

Почему культура есть величайшая неудача (Опыт практической интерпретации символа по Н. А. Бердяеву)

Э. М. СПИРОВА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Автор стремится раскрыть смысл высказывания Н. А. Бердяева о том, что культура есть величайшая неудача. Чтобы понять концептуальность данной фразы, необходимо обратиться к проблеме духовности. Бытие и духовность связаны между собой. Символ способен заместить духовность, но он взывает к трансценденции. Поэтому наличная культура всегда беднее, нежели ее идеал, ее возможное воплощение.

Ключевые слова: философия, психология, культура, символ, духовность, человеческая жизнь, символизация духа, рефлексия, назначение человека.

Why Culture Is the Greatest Failure (An Experience of Practical Interpretation of Symbol According to N. A. Berdyaev)

E. M. SPIROVA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: The author attempts to reveal the essence of N. A. Berdyaev's opinion that culture is the greatest failure. In order to understand the conceptuality of this proposition, one should turn to the problem of spirituality. Entity and spirituality are interrelated. Symbol is able to replace spirituality but it appeals to transcendence. That is why the existing culture is always poorer than its ideal, its possible implementation.

Keywords: philosophy, psychology, culture, symbol, spirituality, human life, symbolization of spirit, reflection, destiny of human being.

В философском наследии Н. А. Бердяева есть мысль: культура — это величайшая неудача человечества. Эту фразу часто цитируют, но нередко воздерживаются от комментариев. В самом деле, почему неудача? Разве культура не является выражением высочайших духовных ценностей? Неужели культура не вырвала человека из природного царства? Почему величайший прорыв оказался неудачей? А может быть, не «оказался», а был таким по определению?

Ключ к трактовке данной темы лежит, как я полагаю, в учении русского философа о духовности. Н. А. Бердяев не связывает напрямую бытие и духовность. Между ними, по его мнению, располагается огромный символический космос. Ни бытие, ни символика

сами по себе не являются отождествлением духовности. Символ способен заместить духовность, но он же является мостиком к духовности. Такое понимание символа позволяет изменить ракурс и самой культурологии как науки о множестве культур, и сущности культурно-исторического процесса.

О духовности у Н. А. Бердяева написано много. К этой теме он обращается постоянно в связи с разными темами и поводами для рефлексии. По его мнению, «завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни» (Бердяев, 1993: 320). Без нее, писал философ, нельзя приносить жертвы и совершать подвиги. Опыт жизни, как будто не заключающий в себе ничего духовного, может пробудить духовные силы человека. Страда-

* Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел. (499) 764-91-50. Эл. адрес: elvira-spirova@mail.ru

ние от любви, нужды, несправедливости или эксплуатации способно стать истоком огромной человеческой энергии.

Итак, дух есть творческая активность. Всякий акт духа есть творческий акт. Дух в творческом порыве и взлете возвышается над миром и побеждает мир, но он также нисходит в мир, притягивается миром вниз и в продуктах своих соотнобразуется с состоянием мира. Иначе говоря, духовность самоценна, но она не размещается в некоем герметически замкнутом пространстве. Жизнь соотносится с духом, но при этом может аранжировать его в соответствии с мирскими запросами, снижая тем самым истинную суть духа.

Дух, по Бердяеву, есть огонь, творчество духа огненно. Огонь принадлежит природному миру. Но в то же время он — мета культуры, символ надприродного бытия. По словам русского поэта Максимилиана Волошина,

«Костер из зверя выжег человека...
Пещера стала храмом.
Трапеза — таинством, огнище — алтарем,
Домашний обиход — богослужением.
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра и золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.
Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек...»

Особое значение в этих рассуждениях Н. А. Бердяева имеет термин объективации. Он понимает под этим словом процесс реализации духа в житейски конкретном, реалистическом мире. Так вот это и есть охлаждение творческого огня духа. Объективация всегда означает согласование с другими, с уровнем мира, с социальной средой. Объективация духа в культуре есть его социализация.

Но разве культура не обладает собственным органичным для нее символическим пластом? В своих вершинных состояниях она, судя по всему, отстраняется от житейской прозы, несет в себе солидный трансцендентный потенциал. Однако, по словам Н. А. Бердяева, аристократическое начало в культуре, без которого она невозможна, несколько не

противоречит ее социализированному характеру. Культура, следовательно, одновременно и социальна, и трансцендентна.

Вывод таков: культура имеет символический характер, все ее достижения не реалистические, а символические. Идеал совершенной объективации духа в культуре, в познании научном и философском, в нравственном и социальном порядке есть идеал классический. «Вольтер был первым, кто употребил слово «классический» по отношению к писателям XVII в. («Век Людовика XIV», 1751). В эпоху романтизма понятие «классический» стало обретать современный смысл: оно могло выражать художественное достоинство автора любой эпохи. В ту же эпоху появилось слово «классицизм». Однако романтики придавали этим понятиям отрицательный смысл. Классическими назывались произведения, которые копировали античные образцы и в этом отношении считались устаревшими. Такая оценка со стороны романтиков вызвала ответную реакцию. Слово «классический» в полемике с романтиками стало выражать национальную литературу, которая оказывала сопротивление иноземным (английским, немецким) влияниям. Словом «классики» обозначали великих авторов прошлого — П. Корнеля, Ж. Расина, Мольера, Ф. Ларошфуко» (Гуревич, 2008: 140).

По оценке Н. А. Бердяева, классицизм в творчестве есть совершенная объективация, исход духа в конечном, достигающем совершенства. Происходит как бы пленение духа с его огненным, устремленным в бесконечность характером, социальной действительностью. В этом ключе русский философ противопоставляет классицизм и романтизм, раскрывая две полярные возможности реализации духа.

История есть трагедия духа. Эта мысль Н. А. Бердяева открывает смысл и той формулы культуры, которая определяется им как неудача духа. О чем речь? О том, что дух в исторической объективации перерождается во что-то уже непохожее на дух. Творческий субъективный дух не может себя узнать в своих исторических объективациях. И вот

какие иллюстрации приводит Н. А. Бердяев. Христианское откровение нельзя узнать в исторической объективации францисканства. Лютера невозможно узнать в исторической объективации технического гения. Протестантизм был, безусловно, огромным духовным прорывом. Но он задал определенный вектор истории, в результате которого возник и развился феномен техники и технического прогресса.

То же самое можно сказать и о революциях. К концу XVIII в. семантика слова «революция» все больше сближалась с представлениями о развитии, прогрессе человеческого общества. Революция стала «субъектом истории», объективно необходимым фактором движения к лучшему будущему. Произошло разделение и противопоставление семантики «мятежа» (отрицательные коннотации) и «революции» (положительные коннотации). В процессе секуляризации общественной жизни «революция» стала вытеснять религиозные ориентиры истории — «ожидание царствия небесного на земле». Итак, по Бердяеву, дух революции нельзя узнать в исторических результатах революции. «Свободу, равенство и братство» невозможно разглядеть в обществах, которые объективировали эти лозунги. Огненный творческий дух не может узнать себя в своих продуктах, теориях, системах, художественных произведениях, институтах.

Объективация в истории, в культуре есть великое дело активного, творческого духа, но она есть также великая неудача. Так считает Н. А. Бердяев. Но это не значит, что дух совсем не должен объективировать себя. Это говорит лишь о том, что мир должен кончиться и история должна кончиться, что мир объективный должен угаснуть и замениться миром существования, миром подлинных реальностей, миром свободы. В объективации, в культуре, в истории даны были лишь символы, знаки, прообразы реального преображения. Само бытие обрывает знаками, символами, в которых когда-то был заключен огонь духовности. Но в процессе объективации он в значительной мере оказался утраченным.

Наибольшей реальностью отличается борьба духа с природой в экономике, в техническом овладении природой. Но в экономике происходит отчуждение человеческой природы. Человек находится во власти созданной им экономики. Он овладевает природой, но природа овладевает им. То же самое можно сказать о технике, которая есть великое завоевание человека, обращенное против него самого (Бердяев, 1989: 149). Только как опознать духовность? Где ее исконный смысл и заведомо ложное воплощение? Вполне понятно из общей установки Бердяева, что только в субъективном духе дана истина, и она экзистенциальна. В «объективном» духе из истины сделано полезное употребление, и она потеряла свою трепетность, экзистенциальность.

Здесь русский философ и раскрывает роль символа в культуре. Он показывает, что в «объективном» духе истина не реализуется, а лишь символизируется и слишком часто приобретает риторический характер. Торжество духа в обществе означало бы торжество персонализма, личного общения, отношения личности к личности в человеческом и человеческом «мы», признании каждой данной личности высшей ценностью. Но возможно ли такое? Или это, скорее всего, некий идеал, который остается нереализуемым, хотя и обладает огромной мощью.

Когда мы говорим «народный дух», то мы выражаем какую-то подлинно существующую реальность, но это неточное выражение, это не дух, а природа, не личность, а индивид. Напомним, что в персоналистической философии русского философа проводится принципиальное различие между индивидом и личностью. В понятии «индивид» выражен образ единичного человека, своего рода социального атома, еще не наделенного богатством индивидуальных и социальных задатков. В социальном бытии индивид выступает как неразложимый элемент, как клеточка социальной группы или человечества. Индивид экземпляр, т. е. имеет определенные свойства, которые выделяют его из множества «других». Такое понимание во многом

сложилось под влиянием многочисленных в истории мысли теорий «робинзонад», авторы которых в качестве исходной точки рассуждения берут фигуру «одиночки», стоящей у истоков человеческой истории. Социальный процесс также реализуется через индивида, через его связи.

Согласно Н. А. Бердяеву, существует народная индивидуальность, как природная душевная среда, в которой действует дух и которую он должен спиритуализировать, то есть пронизать духовностью. Но «народный дух» обычно понимается не реалистически, а символически, без сознания этого символа. Как уже было установлено, объективация духа есть символизация, она дает символы, знаки, а не реальности. Объективированный мир во всех сферах есть символика, хотя он по преимуществу считает себя реальным, и его таковым почитают. Тот, кто целиком и окончательно погружен в объективирующую активность, совсем не понимает и не видит символика, он сознает себя реалистом.

Принципиальная позиция Н. А. Бердяева состоит в том, чтобы символизацию духа отличать от реализации духа. Только реализация духа была бы воплощением духа. Объективация духа не есть воплощение. И угашение объективированного духа совсем не есть его развоплощение. Объективация духа в Церкви как социальном институте есть символизация, а не реализация. Символизм побеждает реализм в догматике, в таинствах. Это то, что В. В. Розанов называл номинализмом в христианстве. И вследствие этой условной символика такую колоссальную роль в христианстве играет риторика. Символизм побеждает реализм в браке и семье. Брак в большинстве случаев есть символическое, а не реальное таинство, ибо реальное таинство связано с любовью. Отношения членов семьи между собою бывают условно-символическими, ритуальными, и сравнительно малую роль играет прорыв реальностей.

Вся жизнь государства носит символический характер. Власть всегда носит на себе символы и знаки и требует к себе символиче-

ского отношения, ничего общего не имеющего с отношением реальным. Война организуется через символы и знаки. Формы, ордена, условные обращения символичны, а не реалистичны. Царь — символ, генерал — символ, папа, митрополит, епископ — символы, всякий иерархический чин — символ. В отличие от этого реальны святой, пророк, гениальный творец, социальный реформатор, реальна иерархия человеческих качеств. Вся моральная жизнь, кристаллизующаяся в нравах, основана на символика, а не на реальном преображении людей.

Законническая мораль требует от людей следования условным символам, не имеющим обязательной реальной связи с их внутренней жизнью, с их духовностью. Шопенгауэр едва ли не первым в европейской философии усомнился в том, что существуют обязательные нормы, без которых человеческое поведение невозможно оценивать как нравственное. Он создал иную традицию, которая нашла своих последователей в лице Фридриха Ницше, Сёрена Кьеркегора и ряда других мыслителей. Они отвергли нормативность в морали. Немецкий философ полагал, что в этике нет и не может быть заведомо непререкаемых установлений, законов, предписаний. Нравственный опыт каждого человека настолько уникален, самобытен, что его никак невозможно подвести под некую общую заповедь, норму, императив...

Исполнение долга носит символический характер. В общении людей нужно подавать друг другу знаки, которые могут совсем не соответствовать реальностям. Так называемые «добрые дела» могут носить знаковый символический характер. Милосердие может быть символическим, а не реальным. Так называемое лицемерие есть крайняя форма символизма, из которого исчезла всякая реальность. В мире объективации нет отношения к живой, конкретной личности, а есть отношение к объектам.

Но в отношениях к объектам реальности не достижимы, они ускользают. Совершенно так же в познании, научном и философском, формальный академизм вырабатывает мето-

ды, через которые познающий соприкасается с объектом, объективирует, но не соприкасается с реальностью, которая дается лишь живой интуиции. Самое совершенное, объективированное знание — математика — есть символика, и ее общеобязательное значение достигается для мира, разобщенного и утратившего внутреннюю духовность. Объективированные научные методы символичны. Самое совершенное знание достигается безотносительно к первореальностям, как самое совершенное право реализует отношения людей безотносительно к реальным отношениям людей. Люди живут в объективированном мире совершенно так же, как будто бы он был наиреальнейшим миром (Лангер, 2000).

Н. А. Бердяев называет мир знаков и символов и объективирующее отношение к этому миру символизацией. Он-то и носит общеобязательный характер. Поразительнее всего то, что эта символизация распространяется и на духовную жизнь, которая есть реальность, а не символ. Мы видим это в формах аскезы, которые символизируют, а не реализуют духовную жизнь. Историческое христианство было гораздо более символично, чем реалистично. Весь иерархический духовный строй символичен и противоположен реальной человечности, подменяя реального человека символическим чином. Символизация была социально организующей силой и носила социальный характер. Такова же и символика всех революций. С символизацией связана и проблема сакрализации.

Объективизация духа в истории порождает сакрализацию, освящение элементов природной и человеческой жизни. Из мирового целого, почитаемого греховным, выделяются освященные части, в которых объективируется духовность. Такой священной частью мировой жизни может быть, например, церковная власть и даже государствен-

ная власть, могут быть предметы культа. Человек имеет глубокую потребность в священном не только на небе, но и на земле, в ощутимости, видимости духа.

Парадоксальность мысли Н. А. Бердяева состоит в том, что он развенчивает феномены, которые традиционно считались сакральными, — государство, собственность, общество, культуру и цивилизацию. Сакрализация всегда есть символизация. Священное в этом мире есть не священная реальность, а символизация священной реальности. Сакрализация была не реализацией священного, а символизацией священного. Священное символизировалось в помазанных иерархических чинах, в окропленных святой водой материальных предметах.

Сакрализация не человечна, не есть обнаружение человеческой духовности. Есть огромная разница в том, чтобы признать священными помазанные священные чины и освященные предметы, и в том, чтобы признать священными самый человеческий субъект, его творчество, свободу, любовь, справедливость, братство, знание, красоту души и т. п. Первое символично, второе реалистично.

Таким образом, в философии Н. А. Бердяева культура оказывается величайшей неудачей в том смысле, что не смогла (да по сути дела и не может) реализовать потенциал духовности и вынуждена, отдавая дань духу, обслуживать и реальный мир, мир конкретных вещей и феноменов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (1993) О назначении человека. М.
- Бердяев, Н. А. (1989) Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. № 2.
- Гуревич, П. С. (2008) Эстетика. М.
- Лангер, С. (2000) Философия в новом ключе. Исследование символика разума, ритуала и искусства. М.